

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАМѢТКИ.

О фантастическомъ элементѣ въ русской жизни.—Непосредственное народное творчество.—Эпическая сказания о бѣлыхъ арапахъ и о выдачѣ за нихъ крестьянскихъ дѣвушекъ; о битвѣ русскихъ иконъ съ ерусалимскими и о чудесномъ событіи въ городѣ Рыбинскѣ.—Школьные учителя на родинѣ Григорія Основьяненко и въ другихъ мѣстахъ.—Фантастический элементъ въ жизни образованныхъ классовъ.—Скандалъ въ одномъ благородномъ собраниѣ.—Забавы шадринского купечества.—Надзиратель въ роли судьи.—Разбирательство безъ обвиняемыхъ.—Цѣпь мироваго посредника.—Грандіозная поэма гг. Логвицкаго и Савича.—Русские драматические авторы и Екатеринославскій адвокатъ.—Врачъ Алферьевъ и земцы.

Не знаю—какъ вы, читатель, но я большой охотникъ до фантастического элемента. Я по природѣ даже нѣсколько мистикъ, и въ спорѣ г. Сѣченова съ Кавелинымъ не прочь применить къ послѣднему. Было время, когда этотъ элементъ игралъ большую роль въ западной литературѣ. Великие мастера послужили ему: на немъ зиждется слава Гофмана, котораго мы, когда-то зачитывались. У насъ тоже являлись свои Гофманы; нѣсколько по-слабѣй настоящаго, но все-таки удовлетворившіе русскую публику. Прошли эти золотые дни. Въ настоящее время, когда... (не смѣйтесь читатель!) въ настоящее время, когда естественно-научно-мыслящее меньшинство съ каждымъ днемъ все замѣтнѣе и замѣтнѣе превращается въ естественно-научно-мыслящее большинство, реализмъ совсѣмъ вытѣснить фантастическое, и только одинъ И. С. Тургеневъ воскресилъ было его на мигъ въ своихъ призракахъ, разскажавъ намъ какъ онъ леталъ надъ землей съ нѣкоторой загадочной Эллисъ... Да г. Достоевскій примѣшиваетъ его къ своимъ повѣстямъ, имѣющимъ, впрочемъ, всегда тоже реальную подкладку. Для меня это очень прискорбно. Но я утѣшаюсь мысленно, что фантастический элементъ составляетъ неотъемлемую принадлежность человѣческой природы, что г-да писатели напрасно изгоняютъ его изъ своихъ произведеній, и что изгнанный изъ литературы — онъ ушелъ во что нибудь другое.—Въ чёмъ нибудь да онъ долженъ проявится... И действительно, читая усердно всѣ русскія газеты, какія только издаются на пространствѣ «отъ потрясенного Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая», я непрестанно наталкиваюсь на разныя фак-

ты, подтверждающие мою мысль, и даже свидетельствующие, что у насъ, русскихъ, фантастический элементъ чуть ли не сильнѣе, чѣмъ у какого-либо другаго народа. Съ одной стороны, я встрѣчаю его въ непосредственномъ народномъ творчествѣ, слабо воспроизвѣдимомъ газетными корреспондентами и репортажами, съ другой—онъ въ столь же сильной степени, проявляется и въ культурныхъ классахъ; въ проектахъ, планахъ и дѣяніяхъ нашего — если не естественно-научно-мыслящаго, то по крайней мѣрѣ, желѣзно-дорожно-финансового меньшинства. Съ нѣкоторыми образцами такихъ фантастическихъ, сверхестественныхъ исторій я и намѣреваюсь познакомить васъ нынѣ, за отсутствіемъ постоянного сотрудника О. З., бесѣдующаго съ вами обыкновенно «о нашихъ общественныхъ дѣлахъ» въ чисто реальномъ духѣ. Хроникеровъ напихъ часто обвиняютъ въ наклонности къ ишохондрии, въ томъ что имъ прежде всего бросаются въ глаза факты мрачнаго свойства, какъ напр. самоубийство, убийство, похищеніе казенныхъ или общественныхъ суммъ, избіеніе женъ мужьями или учениковъ педагогами; у меня ничего такого не будетъ; отнюдь не желая по многимъ причинамъ навлекать на себя подобнаго обвиненія, постараюсь представить вамъ цѣлый рядъ, если не свѣтлыхъ (свѣтлыхъ ей Богу не могъ отыскать, какъ ни старался), то хоть занимательныхъ фактovъ. Къ числу произведеній непосредственного народнаго творчества, носящихъ на себѣ несомнѣнныи отпечатокъ фантастического, нужно отнести, сообщаемую корреспондентами (изъ Подольского уѣзда, Московской губерніи, изъ Ставрополя, Самарской губерніи и изъ губернскаго города Симбирска) молву о наборѣ крестьянскихъ дѣвокъ, невѣсть, для выдачи ихъ замужъ за какихъ-то бѣлыхъ араповъ. Молва эта, пишутъ корреспонденты, чѣмъ далѣе шла, тѣмъ болѣе увеличивалась; и варіруясь въ различныхъ мѣстностяхъ, повергла крестьянъ въ большую тревогу. Откуда она явилась — решить трудно, известно только, что какой-то незнакомецъ, проходя по градамъ и вѣсамъ, читалъ какой-то указъ и собирая деньги за избавленіе дѣвокъ отъ замужней повинности, и собравъ сколько могъ, удалялся съ миромъ изъ губерніи. Но по уходѣ его, слухъ не только не прекращался, а проникалъ даже и въ тѣ мѣста, гдѣ онъ не былъ, и рассказывался народомъ на разные лады. Въ одной мѣстности напр. толковали, что наша царевна вышла за иностраннаго принца, у котораго находятся въ подданствѣ бѣлые арапы и все мушки, а женщіи нѣтъ, и потому дѣвокъ по одной съ каждаго двора погоняютъ на Амурь и выдадутъ тамъ за этихъ араповъ. Въ другой — что у принца есть полки изъ бѣлыхъ араповъ, и что дѣвки предназначаются въ жены этимъ храбрымъ воинамъ: а про Амуръ ужъ не упоминалось. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ слуховъ было то, что множество дѣвушекъ поплатились за легковѣріе родителей всей своей будущностью. Ихъ выдавали за кого попало, за вдовцовъ, бобылей и уродовъ, которые безъ этого счастливаго для

нихъ обстоятельства вѣкъ оставались бы вдовцами и холостяками, а теперь нетолькооженились, но еще получили приличную субсидію отъ родителей невѣстъ, которые во что бы то ни стало хотѣли избавить ихъ отъ Амура и араповъ. Не успѣвшіе же окрутить дочерей своихъ сильно горюютъ и ждутъ, что нынче завтра придуть жандары и заберутъ ихъ для отправки на Амуръ. А вотъ и другой образчикъ народнаго эпоса, заимствованный нами изъ «Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей». Нѣкоторые изъ жителей Рогозинскихъ хуторовъ, возвратясь 9-го мая съ храмового праздника сель Кучиновки и Городища, Сосницкаго уѣзда, распустили слухъ, что въ Кучиновкѣ одинъ крестьянинъ накупилъ иконъ у такъ-называемыхъ Иерусалимскихъ Грековъ, и освятивъ, поставилъ эти иконы на божницы. Ночью, на божницѣ онъ услыхалъ шумъ и возню; но когда засвѣтилъ луchinу все затихло. На слѣдующую ночь возня повторилась. Мужикъ перепугался; на третью ночь онъ пригласилъ стороннихъ, которые въ полночь, на божницѣ дѣйствительно услышали шумъ, замѣтили, что наши русскія иконы бились съ ерусалимскими. Вслѣдствіе этого крестьянинъ вывезъ ерусалимскія иконы за село, въ болото; вонкнулъ въ куль соломы и подпалилъ. Изъ пла- мени вылетѣло что-то черное и полетѣло въ дремучіе лѣса. Усы- шавъ объ этомъ, и жители другихъ хуторовъ снесли на сборный пунтъ восемь такихъ иконъ, сняли съ нихъ стекла и разрушили на нѣсколько частей ножомъ бумажныя рамки. На одной рамѣ кто-то изъ мужиковъ прочелъ «Царь Иродскій» и изъ этой над- писи всѣ заключили, что народился царь иродскій, рисующій образа сажей (иконы писаны на фольгѣ тушью, разведенной во- дой) и черезъ своихъ нечестивыхъ слугъ, развозить ихъ, вводя въ грѣхи православныхъ. Потомъ поставили иконы въ шеренгу, перекололи ихъ палками. Епархіальные Вѣдомости говорятъ, что «случись тутъ ерусалимскіе греки, они навѣрное не спаслись бы отъ побоевъ и насилий, разсвирѣпившихъ крестьянъ». Наконецъ вотъ еще происшествіе, имѣющее не менѣе фантастическій ха- рактеръ, но оставшееся необъясненнымъ: Недѣли полторы тому назадъ, ночью, пишетъ Рыбинскій корреспондентъ «Спб. Вѣдомо- стей», въ домѣ Серебрякова, на набережной Волги, послышался въ дверь сильный стукъ: отираютъ двери, выходятъ на лѣстни- цу—но тамъ никого нѣтъ: удивленные квартиранты снова запи- рають дверь—стукъ слышится опять и еще сильнѣе первого; исчу- ганные хозяева зовутъ сосѣднихъ жильцовъ, тѣ осматриваютъ лѣст- ницу и дверь, но ничего не находятъ. Собравшіеся въ комнату, въ двери которой былъ стукъ, до 20 человѣкъ увидѣли, что бани съ цвѣтами летѣли на полъ, затѣмъ поднимаются къ верху и раз- лѣтаются на части съ сильнымъ трескомъ; летить со стола чай- ный подносъ и падаетъ въ другомъ углу, потомъ свѣчка съ пох- свѣчникомъ, чашки, ключи и т. д. Все это продолжалось, будто бы, до трехъ часовъ ночи. Во всѣхъ слояхъ общества только и говорять объ этомъ происшествіи. «Кому не по сердцу эти по-

этническия легенды, и кто желалъ бы искорененія фантастического элемента въ нашемъ народѣ, посредствомъ школы, тому — если онъ только принадлежитъ къ какому нибудь земству — слѣдуетъ позаботиться, чтобы не повторялись факты, подобные слѣдующимъ, заимствованнымъ мной изъ той же газеты: «Возлѣ города Харькова есть слоб. Основа, известная тѣмъ, что въ ней родился и жилъ Г. Ф. Квитка (Основьяненко). Здѣсь есть школа, но въ 1872 г. учитель, бажъ было доложено управѣ, ушелъ изъ нея, потому что изъ 8 р. 33 к. ему приходилось отдавать за обѣдъ 8 р., на остальныя же 33 к. онъ никакъ не могъ ухитриться удовлетворить всѣ прочія свои потребности. Онъ совершенно обносился... и бѣжалъ. Когда завѣдующий училищною частью членъ управы обозрѣвалъ это училище, то оказалось, что въ слободѣ Основѣ не было ни учителя, ни даже помѣщенія для школы; жалкіе остатки школьнай мебели сложены были у одного изъ крестьянъ, подъ прѣсомъ; а еще болѣе жалкіе остатки книгъ хранились въ волостномъ правлениіи. А вотъ еще любопытный фактъ. «Въ с. Удахъ, тоже вблизи Харькова, состоялъ учитель за 20 р. въ годъ, дѣячекъ. Работая сообразно вознагражденію, онъ до крайности упростила свою педагогію: запреть дѣтей съ утра на замокъ въ школѣ, а самъ уйдетъ по своимъ дѣламъ до вечера. Только случалось такъ, что когда вечеромъ онъ придетъ выпустить заключенныхъ на свѣтъ Божій, то оказывалось, что дѣти уже давно разбѣжались, открывъ себѣ выходъ черезъ окно».

Теперь посмотрите, какъ разыгрывается иногда фантазія у образованныхъ классовъ. Дѣйствіе происходитъ, правда, очень далеко, въ Сибири; въ Томской губерніи, въ городѣ Кузнецкѣ. Что туда проникла цивилизациѣ — доказывается уже тѣмъ, что тамъ есть благородное собраніе; а что члены этого собранія, несомнѣнно одарены богатой фантазіей — можно ясно видѣть изъ происшествія, о которомъ повѣствуетъ намъ «Сынъ Отечества». Одинъ изъ членовъ акцізной служителѣ З—искій, будучи въ сильно истрезвомъ видѣ, началъ во время танцевъ отставлять стулья у дамъ, отчего многія изъ нихъ, садясь мимо стульевъ, падали на полъ верхъ ногами, возбуждая «дружный хохотъ» (этотъ дружный хохотъ мнѣ особенно нравится) публики благороднаго собранія. Между прочимъ, этимъ манеромъ была опрокинута одна молодая женщина, мужъ которой, очень обидѣвшись шуткой, отыскалъ фуражку З—искаго, вылилъ въ нее горчицу, изъ стоявшей въ буфетѣ горчицы, и падѣль З—искому на голову, послѣ чего началась немедленно сканка; и З—искаго повели по улицамъ домой, въ этой фуражкѣ, изъ-подъ которой вытекала на лицо и грудь горчица... Купечество, любящее, какъ извѣстно, во всемъ подражать «благороднымъ» и обладающее, какъ видно, подъ часъ, не менѣе богатой фантазіей, отличилось иѣсколько въ томъ же жанрѣ, въ Шадринскѣ. Это ужъ «Пермскія Губернскія Вѣдомости» рассказываютъ. Шадринскій, 1-й гильдіи

купецъ, пользующійся хорошей репутацией, праздновалъ день рождения и свадебный говоръ дочери; по этому случаю домъ его былъ изукрашенъ зеленою и иллюминованъ на славу. Горбъ вензель,—«да не одинъ, два разомъ» и народу, разумѣется, собралось видимо невидимо. Въ уѣздныхъ городкахъ подобное великолѣпіе рѣдкость. Въ предупрежденіе пожара, поставили на дворъ пожарную команду. Когда же въ народѣ сдѣлалась слишкомъ сильная давка, и нѣкоторыхъ притиснули къ парадному крыльцу, кто-то распорядился черезъ заднее крыльцо провести рукавъ пожарной машины въ коридоръ и оттуда обливать публику водой. Но этого оказалось мало. Начали таскать воду на балконъ и оттуда окачивать зрителей водой, пока не нашелся, наконецъ, какой-то энергический человѣкъ, положившій этому предѣлъ. Вотъ, въ Могилевѣ, такъ тамъ фантазія разыгралась у нѣкого надзирателя, при слѣдующихъ обстоятельствахъ: купецъ Г. нанялъ крестьянъ по словесному договору для отправки транспорта спирту въ вокзалу желѣзной дороги по рублю 10 к. за подводу. Крестьяне въ назначенный срокъ не прѣѣхали, тогда онъ нанялъ другихъ за меньшую цѣну, по рублю. Между тѣмъ подѣѣхали первые крестьяне и тоже согласились взять по рублю, но потомъ стали просить по рублю 10 копѣекъ. Пошли обѣ стороны къ надзирателю 1-й части, который, не смотря на открытыя давно мировыя учрежденія, принялъ на себя роль суды и положилъ: купца Г. связать по рукамъ веревкой, и каждый изъ 40 крестьянъ долженъ наплевать ему три раза въ лицо, да сверхъ того взыскать съ него 20 р. штрафу. Крестьяне сначала племѣнствомъ отказывались, но грозный видъ надзирателя и крикъ его навели на нихъ такой страхъ, что рѣшеніе это въ точности было приведено въ исполненіе. Не знаю, не слѣдуетъ ли отнести также къ области фантастическихъ, лишенныхъ реальной почвы, событий, разбирательство, происходившее въ камерѣ городскаго мирового судьи въ Чистополѣ, и описанное газетой «Биржа». Дѣло шло о вымазаніи стѣны въ квартирѣ, занимаемой жандармскимъ начальникомъ, масломъ или дегтемъ. Публика ждала съ любопытствомъ исхода этого дѣла; но оно прекращено, почему бы вы думали? По неимѣнію ввиду обвиняемыхъ, такъ какъ «жандармскій начальникъ никого не заподозрилъ въ этомъ дѣлѣ». Интересно знать, между кѣмъ же происходило или должно было происходить «разбирательство»? Едва ли не въ первый разъ, въ практикѣ мировыхъ судовъ рассматривалось дѣло—безъ обвиняемыхъ. Нѣчто мистическое заключаетъ въ себѣ и исторія съ золотой цѣпью г. мироваго посредника Щепотьевы, передаваемой «Русскими Вѣдомостями», и со словъ ихъ всѣми другими газетами. Въ Дмитрѣвскомъ уѣздѣ на крестьянахъ 1-го мироваго участка числится недоимка 50 тысячъ руб. За недоимки продается у нихъ скотъ, и принимаются карательные мѣры къ имъ взысканию. Въ виду такого положенія, крестьяне отказываются участвовать въ расходахъ на училища, по въ тоже время состав-

запутъ приговоръ о поднесеніи мировому посреднику В. А. Щепотьеву золотой цѣпи, цѣнностью въ 1,300 руб.! До сихъ поръ состоялись уже въ трехъ волостяхъ приговоры о сборѣ на этотъ предметъ по 5 к. съ души. 19-го июня въ подчеркасскомъ правленіи также былъ сходь. Очень многіе изъ участковавшихъ на немъ крестьянъ противились этому сбору и громко заявляли, что лучше на храмъ Божій или на училище дать эту сумму. Однако приговоръ и здѣсь былъ подписанъ, и сборъ уже назначенъ. Я положительно отказываюсь этому вѣрить. Но если это точно правда, то вѣроятно г. Щепотьеву остается неизвѣстнымъ сюрпризъ, который ему готовятъ; иначе онъ, какъ посредникъ, т. е. лицо, обязанное заботиться объ интересахъ и нуждахъ крестьянъ—безъ сомнѣнія постарался бы отклонить этихъ людей, отъ такого безумнаго поступка. Полагаю, что ему не совсѣмъ легко было бы носить эту массивную цѣпь...

Но ужъ если что-нибудь говорить въ пользу моего предположенія, что фантастичность, свойственная человѣческой природѣ, изъ литературы перешла въ жизнь, такъ это колоссальное до грандіозности предпріятіе, затѣянное гг. Лохвицкимъ и Савичемъ, изъ коихъ одинъ, если не ошибаюсь, принадлежалъ когда-то къ крупнымъ дѣятелямъ по откупной части, а другой принадлежитъ въ настоящее время, къ числу тузовъ банковаго міра. Эти господа воззимѣли счастливую мысль облагодѣтельствовать бѣдное населеніе столицы, живущее въ подвальныхъ этажахъ и угрожаемое наводненіемъ. Благотворить нынче, какъ извѣстно, вообще въ модѣ. Филантропическая общества такъ и плодятся у насъ годъ отъ году. Афиши такъ и пестрѣютъ объявленіями о гуляньяхъ, о лоттереяхъ съ благотворительной цѣлью. Устроители этихъ лоттерей не заботится о томъ, что благотворительствуя горсти людей, они портятъ тысячи, поощряя въ нихъ стремленіе къ легкой наживѣ. Славянскій комитетъ, устроившій празднество съベンгальскимъ огнемъ, вениковѣннымъ спектаклемъ и башней кутафьей, сборъ съ котораго вѣроятно предназначается на что-нибудь въ родѣ краснаго звона въ Прагѣ или помохи Галичанамъ (Галичане пользуются особенной нѣжностью этого комитета, хотя они у себя, какъ недавно разсказывалось въ газетахъ, отплевываются и откращиваются отъ «русофильскихъ тенденцій»), Славянскій комитетъ, говорю я, изобрѣлъ даже особаго рода утѣшеніе для тѣхъ, кто не выигралъ въ его лоттерѣи тройки съ бубенчиками, объявивъ торжественно въ афишахъ, что на пустыхъ билетахъ вместо слова «аллегри» будуть напечатаны русскія пословицы. Изобрѣтеніе—столь же остроумное, сколь и великолушное, обличающее въ членахъ комитета замѣчательную фантазію и искреннее сочувствіе къ меньшему брату. Но всѣ эти затѣи и изобрѣтенія блѣдаѣтъ передъ гигантскимъ предпріятіемъ гг. Лохвицкаго и Савича. Съ ихъ фантазіей не сравнится фантазія ни Виктора Гюго, ни Шарля Фурье, созидавшаго въ своемъ воображеніи грандіозные фалан-

стеры. И надо только удивляться, что такие положительные, практические люди, всю жизнь возившиеся одинъ съ цифрами, другой съ винными бочками,—соединяютъ въ себѣ вмѣстъ съ практичностью и поэзію... Да! они поэты, это несомнѣнно... Поэты въ жизни, хотя можетъ быть и не написали ни одной оды, ни одного даже романа. Представьте себѣ только эту поразительную картину... Цѣлый рядъ, что я говорю, цѣлая улица огромныхъ домовъ, одни изъ нихъ блестятъ великолѣпiemъ; тамъ люди, по своему соціальному положенію подобные самимъ строителямъ, наслаждаются всѣми благами современнаго комфорта: другіе приводятъ въ умиленіе филантропическая сердца удобствомъ и дешевизною небольшихъ помѣщений, — тамъ 35 тысячъ бѣднаго народа, можетъ спокойно спать, какъ у Христа за пазухой, не опасаясь яростнаго напора волнъ... Чортъ возьми! Я самъ становлюсь поэтомъ, когда только подумаю объ этихъ домаxъ. Даже духъ отъ восторга захватываетъ. Боюсь только не слишкомъ ли ужъ широкъ и размашистъ проектъ этихъ господъ; не перешла ли здѣсь поэзія—границу чуждой ей области; и не уподобляется ли онъ по своему великолѣпью обстановкѣ какой-нибудь «Дочери Фараона», или «Корсара» производящей иллюзію—только издали. А если подойти поближе, то окажется, что все тамъ разныя веревки да машины, да пропитанная масломъ луна. Изъ проекта усматривается, что предприниматели действуютъ совершенно безкорыстно. Они если и разсчитываютъ на барыши, то развѣ на самые скромные. Главная цѣль ихъ—благодѣтельствовать, заставить за себя Богу молить. Такъ напримѣръ, они отводятъ для найма по «вольной» (или лучше произвольной, т. е. какая угодно будетъ предпринимателямъ) цѣнѣ только 7,575 кв. саженъ! Конечно, если бы не это обстоятельство, то въ ихъ домаxъ могли бы помѣститься не 35,000, а всѣ 45,065 человѣкъ, помѣщающихся, какъ извѣстно изъ статистическихъ данныхъ, въ подвальныхъ этажахъ столицы. Но вѣдь нельзя же благодѣтельствовать всѣхъ разомъ! Но кромѣ того, говорятъ будто предприниматели не могутъ разсчитывать и на 35,000 человѣкъ, т. е. на то число, которое они имѣютъ въ виду,—потому что дома свои они строять въ такихъ частяхъ города (Александровской и Рождественской) гдѣ было, 2-го октября, затоплено только 7 подваловъ, съ населеніемъ въ 26 человѣкъ, тогда какъ наибольшее число затопленныхъ помѣщений пришлось на долю Васильевского Острова и Коломенской (275 въ первой и 271 во второй). Не стать же переселяться трудовой людьми живущей тамъ, въ другія части города, ради комфорtabельности: онъ селится обыкновенно тамъ, гдѣ ему ближе къ мѣсту его занятій. Дома эти должны стоять 18 миллиоповъ. Такой суммы разумѣется неѣтъ у предпринимателей, а есть только 4 миллиона, и потому они просятъ казенной субсидіи, въ такихъ размѣрахъ, какъ видите, что простому смертному, а не желѣзнодорожнику, привыкшему къ казеннымъ субсидіямъ и гарантіямъ, даже и вы-

говорить то страшно! Но всего лучше мнѣ понравилось въ поэзії гг. Лохвицкаго и Савича то, что они перенесли въ неё изъ законовъ о печати—систему предостереженій! Если они окажутся неисправными, они дозволяютъ дать себѣ предостереженіе. Потомъ ихъ могутъ отстранить отъ предпріятія административнымъ порядкомъ (отчего же не по суду?) и даже дома у нихъ отобрать совѣтъ. Контролировать же ихъ долженъ особенный совѣтъ изъ чиновниковъ, на вознагражденіе которого будетъ идти 15,000 въ годъ, все время пока строятся зданія. Едва ли, при этихъ условіяхъ, совѣтъ, даже въ случаѣ явныхъ капитальныхъ неисправностей гг. строителей, выкажетъ особенное рвение къ тому, чтобы дома отобрали у нихъ; ибо это значило бы лишить себя тепленькаго юстечка... Изъ всего этого видно, что за проектомъ гг. Лохвицкаго и Савича водятся кое-какіе грѣши. Не слишкомъ ли ужъ онъ фантастиченъ? Кромѣ субсидіи, гг. предприниматели желаютъ еще какъ слышно и разныхъ льготъ. Помилосердуйте господа. *Est modus in rebus.* Впрочемъ, газета «Голосъ», изъ которой я заимствовалъ эти данные, утверждаетъ, что проекту гг. Лохвицкаго и Савича, нарушающему права столичного общественного управления, предстоитъ пройти еще очень много различныхъ инстанцій прежде своего осуществленія; и потому, есть вѣроятіе предполагать, что въ которой нибудь изъ нихъ онъ можетъ запнуться.

Но я слишкомъ долго, останавливая вниманіе читателей на фантастическомъ элементѣ. Предполагая, что большая часть изъ нихъ принадлежитъ къ противникамъ онаго, я боюсь навлечь на себя ихъ неудовольствие, и потому спѣшу перейти на почву дѣйствительности, и разсказать нѣсколько фактовъ, не заключающихся въ себѣ ничего фантастического; но при этомъ не уклоняясь отъ принятой мною системы—обходить мрачные предметы.

Всякому известно, что въ 15-ти томахъ, заключающихъ въ себѣ все наше законодательство кроме судебныхъ уставовъ, статьи излагающія права, перемѣшаны со статьями, объясняющими намъ наши обязанности; всякий желающій яснѣе уразумѣть тѣ или другія долженъ обращаться къ этому обильному источнику; изъ него можетъ почерпнуть онъ полнѣйшія и обстоятельныя свѣдѣнія, какъ о томъ, что надо имѣть въ виду, чтобы пройти жизненный путь свой безтрепетно, дѣтски довѣрчиво и съ спокойной совѣстью взирая на каждого городового, такъ и о томъ, какія права дарованы ему въ награду за ревностное исполненіе обязанностей; изъ этого несомнѣннаго положенія, кажется, слѣдовало бы, что понятіе о правѣ и понятіе объ обязанности должны быть одинаково распространены въ сознаніи Россіянъ; по теоріи оно выходитъ такъ: не даромъ написано въ юридическихъ учебникахъ, что всякое право обусловливается собой какую нибудь обязанность, и наоборотъ: но жизнь неоднократно смыялась надъ теоріей и обращала въ прахъ всѣ выводы исключительно на чисто основанные; тоже самое случилось и относительно этого пункта; вѣковыя историческія судьбы русскаго народа какъ то за-

темнили въ немъ понятіе о правѣ и исключительно развили понятіе обь обязанности; относительно длиннаго ряда обязанностей, подлежащихъ выполненію для каждого русскаго, у насъ разногласій, слава Богу, нѣть; буде же таковыя неожиданно явятся, то къ устраниенію ихъ имѣются всегда подъ рукой самыя дѣйствительныя и на опытахъ извѣданныя средства; что же касается до правъ, то относительно ихъ въ обществѣ господствуетъ, и еще болѣе господствовала прежде, какая-то шаткость. Такъ напримѣръ, въ былыя времена купцы и мѣщане, должно быть по безграмотству и недостаточности развитія, предоставленное имъ право выбора изъ среды себя лицъ на городскія должности считали тяжелою обязанностью; чиновники-же, болѣе ихъ образованные, считали это, какъ и слѣдовало, правомъ; нѣкоторые изъ нихъ, болѣе другихъ либеральные, позволяли себѣ, не безъ нѣкоторой смѣлости заявлять о неумѣстности въ Россіи такого self-government'a; эта шаткость понятій отразилась и на самомъ языке; слово *право* утратило у насъ тотъ смыслъ, который оно имѣсть въ Западной Европѣ и получило совсѣмъ другія, очень разнообразныя значенія; Западный европеецъ съ гордостю говорить «*mon droit, mein Recht*»; ревниво съ ущербомъ своимъ материальными выгодами оберегаетъ свое право; скромный Россіянинъ, напримѣръ, купецъ, идетъ въ казначейство, вносить касиру 75 р. с. и приобрѣтаетъ *право* себѣ и двумъ своимъ прикащикамъ; за свое *право* платить онъ 50 р. с., за одно прикащицкое 20, а за другое 5 р. с. (по крайней мѣрѣ прежде было такъ) и вѣщасть всѣ эти права въ рамкѣ на стѣнку; разница въ пониманіи одного и того же слова въ разныхъ языкахъ громадная и намъ кажется, что разница вся въ нашу пользу; въ то время, когда въ Западной Европѣ безумное стремленіе къ расширению своихъ правъ повергаетъ народы въ бездну революціи, ведущую за собой обѣдненіе страны (пять миллиардовъ!); въ Россіи каждый, памятуя изрѣченіе купца Неуѣденова: «Чиновникъ служи, купецъ торгуй, шатунъ шатайся», занимается спокойно своимъ дѣломъ и стремленіемъ къ приобрѣтенію и увеличенію своихъ правъ не только не отягощаетъ своего отечества, но даже значительно способствуетъ его процвѣтанію, усиливая средства государственного казначейства. Къ сожалѣнію, въ природѣ хорошее и дурное перепутано такъ, что трудно найти какой-либо благодѣтельный порядокъ вещей, къ которому бы не было примѣшано хоть маленькой частицы дурного: ревностное исполненіе обязанностей, пѣть слова, похвально: но вѣдь и правами не надо пренебрегать, иначе онъ не были бы перечислены въ законахъ; мы говоримъ не о правахъ, приобрѣтенныхъ за двадцать или за пять рублей; пренебреженіе къ нимъ невозможно, ибо строго преслѣдуется чиновниками казенной палаты и членами торговой депутаціи; но о правахъ, которыхъ одинаково понимаются всѣми народами и всѣми сословіями каждого народа; напримѣръ о правѣ собственности. Для охраненія такихъ

правъ необходима нѣкоторая доля личной иниціативы; никакое предписаніе тутъ не поможетъ; но этого-то качества именно и не достаетъ Россіянамъ; гдѣ можетъ случиться такой комическій-печальный случай, чтобы люди, по преимуществу образованные, люди, живущіе своимъ трудомъ, игнорировали прерогативы, предоставленные имъ по закону этимъ трудомъ; чтобы эти образованные люди, по лѣни и недостатку энергіи (приписывать имъ безграмотность нашего купца или крестьянина невозможно), позволяли другимъ людямъ совершенно беззаконно пользоваться ихъ трудомъ и извлекать изъ него выгоды, иногда весьма значительныя. Такія явленія могутъ встрѣтиться только въ Россіи. Какъ известно, русскіе литераторы не могутъ похвалиться тѣмъ, чтобы труды ихъ щедро вознаграждались, въ особенности же скромное вознагражденіе выпадало на долю писателямъ, поспятившимъ свои силы сценической дѣятельности; наша журналистика неоднократно принималась за разъясненіе причинъ такого порядка вещей; обыкновенно при этомъ указывались неблагопріятныя вѣнчанія условія, въ которыхъ суждено дѣйствовать нашей литературѣ. Неблагопріятность условій не подлежитъ сомнѣнію; казалось бы, что это обстоятельство должно развить въ литераторахъ стремленіе не упускать изъ виду по крайней мѣрѣ маленькия выгоды, которыхъ предоставлены имъ закономъ; вышло, однакожъ, не такъ. Французскіе драматурги, напримѣръ, Сарду, получающій въ Парижѣ за каждую новую пьесу около 100,000 франковъ, ревниво слѣдить за каждой кошѣйкою причитающихся ему барышней и перестасть печатать свои пьесы, чтобы они не могли быть играны на Михайловскомъ театрѣ, таѣтъ какъ напа дирекція отказывается имъ въ авторскомъ вознагражденіи; воображаемъ удивленіе Сарду, еслиъ онъ узналь, что наши драматурги, получающіе до сихъ поръ съ императорскихъ театровъ (какъ максимумъ вознагражденія) несчастная 10% изъ $\frac{2}{3}$ полнаго сбора, до самаго послѣдняго времени не получали съ частныхъ театровъ ни кошѣйки. Только три года тому назадъ нашихъ драматурговъ вдругъ будто осѣнило; въ Москвѣ, по почину г. Ролиславскаго, они предположили образовать общество для поддержанія драматического искусства; одной изъ сторонъ дѣятельности этого общества должно было явиться наблюденіе, чтобы никакіе провинціальные и частные театры не попользовалась безмездно драматическими сочиненіями для своихъ собственныхъ выгодъ; къ московскимъ драматургамъ присоединились мало но малу и остальные, за исключеніемъ знаменитаго автора Мамаева побоища и Каширской Старины, г. Аверкіева. Сей писатель пожелалъ остатся въ гордомъ одиночествѣ. Уставъ этого общества еще до сихъ поръ не получилъ официальной санкціи, и поэтому еще общество не можетъ считаться существующимъ. Это новое предпріятіе, какъ и все хорошее, встрѣтило сначала ожесточенныхъ противниковъ не только въ средѣ театральныхъ антрепренеровъ, но даже, что трудно было ожидать, и въ литературѣ; въ Москвѣ на-

шились публицисты, которые стали доказывать, что драматическую собственность нельзя приравнивать к другим видам литературы, что неблагородно обижать бедных антрепренеров, что меркантильные расчеты унижают литераторов, что чрезмѣрны (!) требования драматургов убить нашу провинциальную сцену; статьей такого рода въ особенности отличился журналъ «Русская Лѣтопись», издававшійся въ то время въ Москвѣ, кажется, подъ редакціей М. Щепкина. Но драматурги, не смущаясь такими дикими волами, продолжали осуществлять задуманное ими предпріятіе; не имѣя права действовать отъ имени еще неутверженного общества, они поручили г. Родиславскому, давъ ему каждый личную довѣренность, охранять ихъ интересы; на первое время платя, подлежащая взиманію съ провинциальныхъ театровъ, назначена была самая умѣренная отъ 50 к. до 2 р. с. за актъ, смотря по величинѣ сбора, который можетъ дать каждый провинциальный театръ; антрепренеры черезъ газеты поставлены были въ извѣстность, что прежнее безперемонное пользованіе чужой собственностью должно прекратиться, и что они имѣютъ войти въ сношеніе съ г. Родиславскимъ для опредѣленія размѣра причитающагося съ нихъ платежа; въ случаѣ же если они воспротивятся добровольному соглашенію и пожелаютъ по прежнему пользоваться плодами чужихъ трудовъ, имѣ были указаны тѣ статьи закона, которыми предусмотрѣна возможность нарушенія правъ чужой собственности и постановлено за такое нарушеніе наказаніе; война съ провинциальными театрами началась; война эта имѣла много схожаго съ покоренiemъ Кавказа, хотя окончилась гораздо скорѣе; упорнѣе другихъ защищался, кажется, Нижній-Новгородъ, въ лицѣ содержателя ярмарочного театра, г. Смалькова, уподобившагося долговременнымъ сопротивленіемъ Шамилю; но и онъ покорился и заплатилъ контрибуцію за прошлое время; наконецъ, по усмиреніи абадзеховъ и другихъ дальнихъ племенъ послѣдовало замиреніе—вопреки пророчествамъ публицистовъ, провинциальные театры не разорились отъ нового положенія вещей; ни одинъ изъ антрепренеровъ не прекратилъ вслѣдствіе этого своей дѣятельности и не прибѣгнулъ подобно абадзехамъ къ переселенію въ Турцію; теперь все спокойно; иногда только кой-гдѣ слабымъ огонькомъ вспыхнетъ прежній воинственный пыль, но не надолго. Г. Родиславский зорокъ и бдителенъ; прокурорская власть стоитъ на стражѣ закона, въ каждомъ губернскомъ и во многихъ уѣздныхъ городахъ есть окружные суды и возмущеніе усмиряется. Одно изъ такихъ возмущеній случилось въ Екатеринославлѣ, 18-го февраля 1874 года; въ окружномъ судѣ этого города слушалось дѣло, состоящее въ томъ, что содергательница театра Медведева обвинялась въ постановкѣ, безъ разрѣшенія автора, комедіи г. Потѣхина «Мишур». Повѣренный автора возбудилъ уголовное преслѣдованіе, а прокурорскій надзоръ поддерживалъ обвиненіе въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 1,684 Улож. о наказа-

піахъ. Судъ оправдалъ Медвѣдеву на томъ основаніи, что при постановкѣ пьесы обвиняемая была больна, а выборомъ и постановкой распоряжался актеръ г. Стрѣльскій, который и подтвердилъ это обстоятельство. Этотъ пустяшный случай послужилъ г. Гольденвейзеру поводомъ высказаться въ «Судебномъ Вѣстнике» вообще противъ авторскихъ правъ драматическихъ писателей. Доказывая, что постановка на сцену безъ позволенія автора пьесы, изданной печатно или обнародованной другимъ способомъ, не составляетъ преступленія, г. Гольденвейзеръ показалъ такой примѣръ изворотливой казуистики, которая, чѣмъ либо другимъ, кроме нежеланія понимать, какъ слѣдуетъ, весьма ясный смыслъ закона, объяснить трудно. Сколько мы помнимъ, г. Гольденвейзеръ завѣдывалъ прежде юридическимъ отдѣломъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; если это такъ, то нельзя не удивиться, что въ этой школѣ г. Гольденвейзеръ не выучился обращаться съ печатнымъ словомъ болѣе умѣлымъ образомъ; но лучше приведемъ для читателя нѣсколько образцовъ этого странного адвокатского словоизверженія. Г. Гольденвейзеръ стремится доказать, что 1,684 ст. Улож. о наказ. преслѣдуется представление на сцену только такихъ произведеній, которыхъ не изданы въ свѣтъ и никакимъ образомъ не обнародованы. «Въ статьѣ 1,684 — говорить онъ — сказано: «кто не выдавая себя за автора чужаго сочиненія.... но зная, что оно есть литературная или художественная собственность другаго, будетъ безъ надлежащаго уполномочія находящимся у него по какому либо случаю произведеніемъ сего рода располагать какъ бы принадлежащимъ ему, напечатавъ или дозволивъ напечатать книгу, или же представлять драматическое, или играть музыкальное сочиненіе въ публичномъ собраніи тотъ»... и такъ далѣе. Но моему мнѣнію — объясняетъ г. адвокатъ — одинъ уже текстъ этого закона по буквальному смыслу не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что весь рядъ нарушеній авторскихъ правъ, въ немъ перечисленныхъ, относится *исключительно* до произведеній, которыхъ до того не были обнародованы въ печати или инымъ образомъ». Просимъ читателя обратить вниманіе на изумительную логику г. Гольденвейзера; въ законѣ сказано: «находящимся у него по какому либо случаю произведеніемъ»... спросите каждого находящагося въ здравомъ умѣ человѣка, въ чёмъ заключается буквальный смыслъ этихъ словъ; если онъ необуреваемъ адвокатскимъ стремлениемъ къ какой-то особынной юридической логикѣ, то отвѣтить вамъ, что приведенное выше выражение «*по какому либо случаю*» равносильно выражению «не исключая никакого возможнаго случая» и поставлено законодателемъ затѣмъ, чтобы обнять всевозможныя случайности приобрѣтенія экземпляра чужаго произведенія; спорить о внутреннемъ смыслѣ можно до безконечности и никогда не прійти къ соглашенію, ибо внутренній смыслъ можетъ быть каждымъ понимаемъ по своему; но такое до гениальности смѣлое толкованіе прямого буквального смысла, такое презрѣніе къ законамъ грамматики встрѣчается

намъ только въ первый разъ! Но послѣднемъ за г. Гольденвейзеромъ: въ противномъ случаѣ слова «находящимся у него, по какому-либо случаю...» были бы лишены смысла, ибо ихъ нельзя отнести къ печатному экземпляру какого-либо сочиненія. «Почему нельзя? Вѣдь и печатный экземпляръ надо какъ нибудь пріобрѣсти: купить, занять, украсть!.. Все это и суть различные случаи пріобрѣтенія печатнаго экземпляра. Дальше еще чуднѣе: «Да при томъ обвиняемому стоило бы только доказать, что онъ воспользовался чужимъ произведеніемъ по экземпляру, который у него во все не находился — и это было бы достаточнымъ основаніемъ къ оправданію». Это еще что такое? Какъ могу я воспользоваться чужимъ произведеніемъ по экземпляру, который у меня не находился? Какъ же актеры выучать свои роли? Развѣ кто-нибудь изъ постороннихъ будетъ держать въ рукахъ раскрытую книгу, а директоръ театра и актеры, не касаясь ея руками, будутъ по ней разучивать роли и ставить пьесу! Мудрено! Если уже буквальный смыслъ закона далъ г. адвокату возможность къ такимъ смѣльмъ выводамъ, то легко себѣ представить до чего онъ способенъ дойти, принявши за сопоставленіе различныхъ статей закона — этоъ оселокъ адвокатской ловкости. — Въ ст. 1,683 сказано: «если кто, присвоивъ себѣ чужое произведеніе словесности, науки или искусства, издастъ оное подъ своимъ именемъ, то онъ....» Для людей простыхъ, у которыхъ разумѣніе не затѣмнено и которые не хотятъ затѣмнить чужаго разумѣнія, опять таки ясно, что въ этой статьѣ говорится вообще объ изданіи чужаго произведенія подъ *своимъ именемъ*, и выраженіе *«присвоивъ себѣ»* относится къ присвоенію авторскаго права на сочиненіе, а не отдельнаго экземпляра и поставлено затѣмъ, чтобы отличить это преступление отъ упоминаемаго въ слѣдующей 1,684 статьѣ, которое есть контрафаѣція безъ присвоенія себѣ авторскаго права — *не выдавая себѣ за автора чужаго сочиненія* (см. начало приведенной выше ст. 1,684!). — Для г. Гольденвейзера ясно другое, а именно, что въ 1,683 ст. рѣчь идетъ о произведеніи неизданномъ; слѣдующая же статья, вопреки ея буквальнаго смысла, есть только видовое подраздѣленіе одного рода правонарушений (изданіе безъ имяннаго присвоенія); и что въ ней, равно какъ и въ предыдущей, говорится только объ обнародованіи такихъ произведеній, который до того еще не были достояніемъ публики и т. д.... еще цѣлый рядъ остроумныхъ сопоставленій съ статьями цензурнаго устава, причемъ искусный юристъ благоразумно умалчиваетъ о тѣхъ статьяхъ, которая говорить прямо противъ него; все это весьма ясно указываетъ на предумышленное рѣшеніе вопроса, почему оно понадобилось г. Гольденвейзеру — мы не можемъ понять. Думаемъ, что такой образъ дѣйствій не можетъ способствовать возвышению нашей юной адвокатуры въ общественномъ мнѣніи; а въ этомъ возвышеніи она сильно нуждается; неужели г. Гольденвейзеръ полагалъ, что подобныя словоизверженія можно безнаказанно печатать въ «Судебномъ Вѣстнике» (чего смо-

трѣла редакція этого журнала)? Въ такомъ случаѣ онъ ошибся, статьи Уложенія о наказаніяхъ и цензурнаго устава открыты для всѣхъ. Да по всей вѣроятности, и драматическіе авторы, принявши съ за дѣло охраненія своей собственности, обстоятельно познакомились съ этими статьями; наконецъ юристы пишутъ не въ одномъ только «Судебномъ Вѣстнике», и мы надѣемся, что другіе юридическіе журналы не оставятъ безъ надлежащаго изобличенія эти жалкіе софизмы; конечно, г. Гольденвейзеръ можетъ быть вполнѣ увѣреннымъ, что за свои нападенія на литературную собственность и здравый смыслъ онъ не понесетъ того постыднаго наказанія, которое пришлось вытерпѣть г. Алферьеву,¹ врачу, находившемуся на службѣ Лухскаго земства: но неужели-же только страхъ тѣлеснаго наказанія можетъ удерживать людей въ границахъ приличія? Если же начать тщательно взвѣшивать поступки г. Гольденвейзера и г. Алферьева, то неизвѣстно, что еще перетанетъ—говорить открыто съ простосердечiemъ становаго старыхъ временъ, что «народъ стадо, что лечить его незачѣмъ, ибо онъ жретъ, что ни попало» и при этомъ смѣло сознаваться, что я, моль, ничего не дѣлаю, а пользуюсь глупостью земства и получаю даромъ 1200 р. с.—конечно въ высшей степени не похвально, но по крайней мѣрѣ *profession de foi* такого рода, высказанное вслухъ въ такой формѣ, никого не можетъ обмануть и едвали въ состояніи найти подражателей: представимъ-же себѣ, что г. Алферьевъ пожелалъ провести свои взгляды въ литературѣ; онъ пребѣгнуль-бы тогда къ литературной обработкѣ и съ помощью разныхъ литературныхъ изворотовъ сталь-бы доказывать, что крестьянъ лечить не слѣдуетъ, а что начо лечить только людей образованнаго сословія, организмы которыхъ отличаются особою отъ мужиковъ тонкостью и чувствительностью, что здоровая натура крестьянина, воспитавшагося при другихъ жизненныхъ условіяхъ, не поддается дѣйствию лекарствъ современной медицины; что крестьяне недовѣряютъ образованнымъ докторамъ и не любять больницъ и предпочитаютъ обращаться съ своими болѣзнями къ знахарямъ и знахаркамъ, что эти послѣдніе хотя и невѣжественны, но обладаютъ нѣкоторыми цѣлительными средствами, которыхъ польза несомнѣнна и доказана на опытѣ, что знахари давно ужъ лечили народъ, напримѣръ, мышьякомъ; а научная медицина только въ послѣднее время обратилась къ этому средству; что насиливать жизнь и нарушать естественный порядокъ вещей негодится и т. д., и т. д. Нѣть никакого сомнѣнія, что специалистъ-медицъ, призвавши на помощь изворотливость, можетъ легко настроить статью, не безъ убѣдительности доказывающую, что доктору лечить мужиковъ глупо и смѣшно—ибо бесполезно. Облекшись въ такую литературную форму, мысли г. Алферьева утратили бы значительную долю своей безвредности и, чего доброго, пожалуй, могли бы ввести въ заблужденіе читателей, неодаренныхъ особою проницательностью. До какой-же степени усили-

вивается возможность такого заблуждения, если подобная хитро скомпанованная статья относится къ юридической специальности, написана адвокатомъ и помѣщена въ специальнно-юридическомъ журнале! Такого рода произведения становятся тогда положительно вредны, и какъ ловко ни играетъ г. Гольденвейзеръ, точно фокусникъ шарами, сопоставленіями и буквальнымъ смысломъ статей закона, но такая ловкость кромѣ строгаго осуждения не заслуживаетъ ничего другого. Но оставимъ Екатеринославскаго адвоката и его ловкость и обратимся къ Лухскому земскому врачу. Процессъ, благодаря которому имя г. Алферьева получило все российскую извѣстность, разыгрался въ Костромѣ, этомъ городѣ, который не безъ основанія называется нѣкоторыми у насъ Русскими Афинами, по значительному числу писателей и литераторовъ, тамъ родившихся; житейская драма, которая привела участвующихъ въ ней лицъ къ судебному процессу, не принадлежитъ къ числу особенно кровавыхъ, въ ней не найдется мелодраматическихъ французскихъ эффектовъ, сценарій ея лишенъ щеголеватости и стройности; Западный Европеецъ ничего не разбереть въ ней, потому что эта драма — произведение чисто русской жизни: тутъ все беспорядочно; къ борьбѣ противоположныхъ принциповъ примѣшиваются какои-то хаосъ мелкихъ страстишескихъ интересовъ; при этомъ обнаруживается такое своеобразное пониманіе чести, такое всеобщее неуваженіе къ личности человѣка, что читатель съ болѣю въ сердцѣ невольно воскликнать: «да, да, вотъ она наша русская неприглядная жизнь, жизнь маленькаго уѣзданаго городка, деморализирующая даже порядочныхъ людей». — Происшествіе, разыгравшееся въ г. Лухѣ, въ сущности неосоbенно важно; но оно заслуживаетъ вниманія по тѣмъ мотивамъ, которые вызвали преступленіе, по своимъ послѣдствіямъ для трехъ молодыхъ людей и потому что общественное мнѣніе рѣшительно заявило себя не въ пользу пострадавшаго, а въ пользу прибѣгнувшихъ къ самоуправству. Кромѣ мѣстной обстановки интерес возбужденный процессомъ, поддерживался еще и тѣмъ, что защитникомъ приглашенъ былъ знаменитый куплетистъ и докторъ правъ Лохвицкій; наплыvъ публики, какъ и слѣдовало ожидать, былъ громадный; скоро-ли Русскія Афины дождутся другого подобнаго процесса! Подсудимые — люди молодые съ симпатическою наружностью: братья Телепневы принадлежать къ старинному русскому дворянству: г. Бенардось происхожденіемъ грекъ, онъ получилъ образование въ Кіевскомъ университете; одинъ изъ Телепневыхъ кандидатъ правъ Петербургскаго университета; главный свидѣтель и пострадавшее лицо врачъ Алферьевъ на судѣ не явился, сославшись на дурныя дороги и обиліе служебныхъ обязанностей; онъ кажется служить въ настоящее время при земствѣ Калужской губерніи. Изъ дѣла выяснились слѣдующія обстоятельства: въ Лухскомъ земствѣ существовали, какъ и везде, двѣ партии; одна стремилась ревностно исполнять свои обязанности и желала сдѣ-

зять, чтонибудь полезное для крестьянъ; къ этой партии принадлежали обвиненные и мировой судья Грибунинъ, женатый на сестрѣ Телениневыхъ; г. Бенардось устроилъ для крестьянъ школу, въ которой завелъ обученіе разныемъ ремесламъ; школа эта стоила ему до 2-хъ тысячъ рублей; къ другой партии, отличавшейся безцеремоннымъ отношеніемъ къ народу, принадлежалъ г. Алферьевъ съ нѣкоторыми другими лицами и кажется также предсѣдатель земской управы;—по крайней мѣрѣ управа смотрѣла сквозь пальцы на то, что земскій врачъ не исполнялъ своихъ обязанностей и отказывался безмездно лечить пріѣзжавшихъ къ нему крестьянъ, отчего даже будто-бы нѣкоторые изъ нихъ умерли, не получивъ никакой медицинской помощи; мировой судья Грибунинъ на одномъ изъ земскихъ собраній указалъ гг. гласнымъ на такое печальное положеніе медицинской части въ земствѣ уѣзда; понятно, что этотъ поступокъ Грибунина привелся не понутру лицамъ изобличеннымъ и они порѣшили отомстить своему изобличителю; задумано, сдѣлано; по окончаніи какой-то сессіи мироваго съѣзда, въ трактире купца Молчанова собрались Грибунинъ, другой мировой судья Налетовъ, прокуроръ, судебній слѣдователь и аптекарь... къ Грибунину явился мальчикъ, посланный отъ мироваго судьи Пурлевскаго пригласить его присоединиться къ компаніи въ домѣ купца Мочалова; въ этой компаніи находились кромѣ Пурлевскаго, врачъ Алферьевъ и землемѣръ Барсуковъ, особенный пріятель г. Алферьева; когда г. Грибунинъ явился на зовъ въ компанію г. Пурлевскаго вмѣстѣ съ Налетовымъ и аптекаремъ, то эти два лица были какъ то удалены отъ Грибунина¹; такимъ образомъ Грибунинъ остался одинъ въ обществѣ враждебныхъ ему лицъ; завязался споръ, перешедшій въ ссору; сперва Грибунику предложили стрѣляться съ Алферьевымъ для чего принесенъ былъ и пистолетъ; но предложеніе это было сдѣлано очевидно не серьезно и пистолетъ получилъ скоро другое употребленіе, болѣе сообразное съ русскими нравами, а именно г. Алферьевъ, дѣйствуя пистолетомъ безъ помощи пороха, нанесъ своему врагу пять ранъ въ голову; что дѣлали въ это время Пурлевскій и Барсуковъ съ точностью необъяснилось; судебній слѣдователь явился на мѣсто дѣйствія спустя полчаса и нашелъ Грибунина окровавленнымъ и безъ памяти. Кажется, г. Пурлевскій, зазвавшій Грибунина въ эту ловушку, смотрѣлъ на все равнодушно. Но не такъ равнодушно взглянула на это возмутительное дѣло народъ, любивший г. Грибунина. Судебный слѣдователь показывалъ, что гг. Алферьевъ и Барсуковъ должны были спасаться черезъ заднія ворота и огородъ, чтобы не попасться въ руки обозлившейся толпы. Это все составляетъ прологъ драмы. Нѣсколько времени спустя,

¹ Передаемъ все это дѣло по корреспонденціи «Русскаго Мира», не принявъ на себя никакой ответственности за достовѣрность свѣдѣній, сообщающихся этой газетой.

именно 30-го августа 1874 года въ г. Лухѣ къ врачу Алферьеву явился въ экипажѣ посланный изъ усадьбы г. Бенардоса съ просьбой оказать врачебную помощь заболѣвшему тамъ учителю. Г. Алферьевъ отправился, предварительно спросивъ посланного, дома ли г. Бенардосъ, на что получилъ отвѣтъ, что баринъ уѣхалъ мѣсяца на два. По прибытіи въ усадьбу, г. земской врачъ былъ встрѣченъ Телепневыми и Бенардосомъ, отчего страшно испугался и закричалъ караулъ; оказалось, что они нарочно прибыли изъ Петербурга, чтобы воздать должное г. Алферьеву, такъ тяжко оскорбившему ихъ родственника. Затѣмъ г. Алферьева повалили, связали, раздѣли и высѣкли, давши 13 ударовъ розгами; наказаніе, какъ оказывается, не отличалось жестокостью, ибо потерпѣвшій, послѣ экзекуціи, одѣлся, нашелъ очки, закурилъ папиросу, и вообще вѣль себя такъ, какъ не можетъ вести человѣкъ, претерпѣвшій жестокое истязаніе. Этотъ то самовольный поступокъ и привелъ братьевъ Телепневыхъ и Бенардоса на скамью подсудимыхъ. Сочувствіе общества оказалось всецѣло на ихъ сторонѣ; это сочувствіе проглядывало даже въ рѣчи прокурора, который хотя и высказалъ новую для многихъ русскихъ и даже нѣсколько смѣльную мысль, что *только чловѣка* должно быть *неприкосновено*; но не могъ не сознаться, что пострадавшій далеко не безупреченъ. Даже въ рѣчи священника, передъ присягой, проскользнуло это сочувствіе; показанія свидѣтелей единодушно подтверждали, что г. Алферьевъ пользовался самой незавидной репутацией, а что напротивъ, обвиненные люди во всѣхъ отношеніяхъ хороши. Волостной старшина показалъ, что Бенардосъ дѣйствовалъ на земскихъ собраніяхъ хорошо «въ кругу и сюжетѣ». Защитникъ обвиненныхъ г. Лохвидѣ стремился доказать, что 13 ударовъ розгами и нѣсколько ничтожныхъ ссадинъ на рукахъ нельзѧ называть истязаніемъ, что истязанія должны сопровождаться мученіями и жестокостью и представлять высшую и притомъ продолжительную степень страданія. Въ особенности упиралъ онъ на то, что пострадавшій сейчасъ же послѣ наказанія былъ въ состояніи совершить довольно продолжительное путешествіе, сидя на тряской деревенской телегѣ... и пр. Для того, чтобы опредѣлить степень жестокости экзекуціи защитникъ обращался съ вопросами къ сельскимъ обывателямъ, этимъ, такъ сказать, прирожденнымъ экспертомъ, по этой отрасли познаній. Отвѣты ихъ дышали какой-то эпической величавой простотой, напр.:

Дьяконъ Федоръ Острожскій: Пріѣхалъ къ намъ въ село г. Алферьевъ, потребовалъ батюшку-священника. Того дома не случилось; вместо него вызвалъ меня и сталъ показывать свою... Посмотрѣлъ я, точно въ рубцахъ... разсказывалъ мнѣ, что постегалъ его Бенардосъ.

Сторожъ волостнаю Правленія. Мы ничего не знаемъ; видѣли только въ волостномъ правленіи, что ..... исхлестана (въ публикѣ смѣхъ). *Вопросъ.* Часто у васъ сѣкуть въ волостномъ правленіи?

Отвѣтъ. Случается! *Вопросъ.* И сильно сѣкуть? *Отвѣтъ.* Изѣтно, по положенію, 20 розогъ. *Вопросъ.* Какъ по вашему былъ наказанъ лекарь? *Отвѣтъ.* По моему хорошо...

Судь, вопреки требованіямъ защитника, поставилъ вопросы объ истязаніяхъ, а не о простыхъ побояхъ, и виновные по рѣшенію присяжныхъ были приговорены къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ въ Тобольскую губернію; причемъ рѣшено представить приговоръ на благоусмотрѣніе его Императорскаго Величества.

Выслушавъ приговоръ, одинъ изъ обвиненныхъ упалъ въ обморокъ. Въ публике многія женщины плакали. До острога обвиненныхъ провожала толпа въ 600 человѣкъ. Слышино, что защитникъ подалъ жалобу въ кассационный департаментъ. Вся эта драма съ комическимъ началомъ и серьезнымъ концомъ наводитъ на весьма печальные размышленія; хорошо єздное земство, позволяющее доктору получать даромъ земскія деньги! Хорошо городское общество, въ которомъ цѣлая компанія послѣ веселаго обѣда зазываетъ къ себѣ человѣка и равнодушно смотритъ на то, какъ его избиваютъ; хорошо докторъ, который мужиковъ лечить не хочетъ, а гласнымъ, неодобряющимъ его дѣйствія проламываетъ пистолетомъ голову! Нельзя конечно не пожалѣть молодыхъ людей, наказанныхъ такъ строго закономъ, тѣмъ болѣе, что это люди, какъ изъ всего оказывается, образованные, одушевленные хорошими намѣреніями и уже дѣлавшіе кой-что на пользу общую—мысль о томъ, что будущность этихъ молодыхъ людей испорчена, невольно возбуждается въ насъ участіе; но нравственное чувство не можетъ не оскорбляться при мысли о томъ, къ какому отвратительному, унижающему человѣчество, способу прибегли они, чтобы отомстить за своего обиженнаго родственника.

— 08ъ.

Въ статьѣ «Опытъ введенія въ исторію» (въ майской и іюньской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ») вкрались слѣдующія опечатки:

На стран. 283

Читай.

На нашей поверхности.

На поверхности нашей планеты.

На стран. 291.

Всемірная исторія...

Всемірная исторія
(на другой строкѣ).